

Бет Льюис

ВОЛЧЬЯ
ТРОПА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л91

Серия «Best book ever»

Beth Lewis
THE WOLF ROAD

Перевод с английского *Е. Галицкой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
AM Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Льюис, Бет.
Л91 Волчья тропа : [роман] / Бет Льюис : [пер. с англ.
Е. Галицкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
416 с. — (Best book ever).

ISBN 978-5-17-103656-0

Мир после ядерной катастрофы. Человечество выжило, но высокие технологии остались в прошлом – цивилизация откатилась назад, во времена Дикого Запада.

Своенравная, строптивая Элка была совсем маленькой, когда страшная буря унесла ее в лес. Суровый охотник, приютивший у себя девочку, научил ее всему, что умел сам, — ставить капканы, мастерить ловушки для белок, стрелять из ружья и разделывать дичь.

А потом она выросла и узнала страшную тайну, разбившую вдребезги привычную жизнь. И теперь ей остается только одно – бежать далеко на север, на золотые прииски, куда когда-то в поисках счастья ушли ее родители.

Это будет долгий, смертельно опасный и трудный путь. Путь во мраке. Путь по Волчьей тропе... Путь, где единственным защитником и другом будет таинственный волк с черной отметиной...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Beth Lewis, 2016
© Перевод. Е. Галицкая, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
ISBN 978-5-17-103656-0

Посвящается моей маме и ее красной ручке

Я больше не твоя девочка

ЧЕЛОВЕК ШЕЛ ПО СНЕГУ, а я пряталась высоко в ветвях дуба, наблюдая за ним. Все лицо в татуировках — ни единого клочка чистой кожи на лице. Этот человек ищет меня. Он всегда искал меня. Кровь стекала с его ножа для разделки рыбы, оставляя красные пятна на снегу. Не рыбья кровь — человеческая. Детская. Сегодня этим ножом он снял скальп с парнишки из Такета. Клок волос свисал с пояса мужчины, и с него тоже капала свежая, еще теплая кровь. Тепло он бросил в чащу на съедение волкам.

Я подышала в ладони и крикнула:

— Далеко же ты забрался от дома, Кregar!

Голые ветви порвали мой голос в клочья. Зима превратила лес в сборище скелетов, и мое укрытие могло показаться ненадежным, но я-то знала, что делаю. Он не выследит меня и не найдет

моих следов, потому что здесь — мои владения, он здесь — чужак.

Крегар посмотрел вверх, приподнял нижние ветви, но я умею прятаться так, что даже он не найдет.

— Кто это тут зовет меня? — Его голос напоминал скрежет кости по дереву. Он наводил ужас, когда Крегар впадал в ярость, и успокаивал тихим рокотом, когда тот бывал в настроении. Однако прошли времена, когда я верила в его доброту. Все притворство и ложь, уж теперь-то я знаю.

— Я видела, что ты сделал с мальчишкой, — крикнула я, — и где ты оставил его тело. Это его скальп висит у тебя на поясе.

Крегар тяжело дышал. От холода у него текло из носа прямо на бороду. Оскаленные зубы, как у горного медведя. Даже рубашку не надел — впрочем, как всегда, когда шел убивать. Волосатая грудь была покрыта татуировками и потеками крови.

— Это ты, девочка Элка? Это моя Элка прячется в ветвях, как белка?

— Я не твоя! Никогда не была и не буду!

Я сжала в руке нож. Длинное лезвие, зазубренное с одной стороны, и рукоятка из оленьего рога.

Крегар оставил слишком много следов, теперь любой сможет его выследить. Капли крови на снегу отмечали его путь.

— Спускайся, обними старика Крегара. Я соскучился.

— Ха, так я и поверила. Мне и тут хорошо.

Угольно-черные глаза обшаривали чащу. Черные как болезнь, сумасшествие, ненависть и ложь. Он оскалил белые, словно надгробные камни, зубы и по-

крутил в руках нож, разбрызгивая кровь. Капли разлетались во все стороны, усеивая снег красными пятнами.

— Элка, ты же знаешь, я тебя не обижу. — Теперь голос звучал дружелюбно. — Разве я могу обидеть свою Элку?

Он двинулся вперед, будто слепой, увязая в глубоком снегу. Его всегда лихорадило после того, как он кого-нибудь убивал, и сейчас от пылающей кожи шел пар. Худощавый, жилистый и лицо, если б не татуировки, довольно приятное — такого можно и с родней познакомиться.

Крегар устал от игры в кошки-мышки и, тяжело дыша, привалился к стволу тополя.

— Да я тебя уже сотню раз мог убить, девочка. Взял бы тесак и перерезал горло, пока ты спишь. А потом снял бы кожу, как с вареной форели.

И этого человека я столько лет называла папой!.. Меня затошнило.

— Ботинки бы себе сделал, — продолжил Крегар. Его улыбка становилась все шире, а голос аж зазвенел от восторга, будто он перечислял блюда на праздничном столе. — Да еще и на пару ремней хватило бы. А твоими шелковыми волосами набил бы себе матрас.

Он рассмеялся, поднял нож и ткнул им в мою сторону, хотя и не знал, что я там.

— Из тебя хорошие ботинки получились бы, девочка Элка.

Я такое и раньше слышала, однако сейчас по спине пополз холодок. Он много чего и похуже говорил, но только не мне. Я все еще боялась его, боя-

лась того, что он делал и что заставлял делать меня. Ничего, теперь я все исправлю!

— Ты столько месяцев искал меня, Крегар, а я нашла тебя первая.

Мой нож был хорошо сбалансирован для метания. Про себя я умоляла Крегара оставаться на месте: «Только не двигайся, не шевелись».

— Я боялся, что ты пропадешь без меня, Элка. Самой тебе в этом мире не выжить. Здесь есть кое-что похуже волков в темноте. И кое-что похуже меня.

Если бы не кровь, его можно было бы принять за нормального человека. Человека? Ветер шевелил детский скальп у него на поясе. Это проклятый детоубийца Крегар Холлет, и никакие красивые слова этого не изменят.

Я выпрямилась, тихо, словно падающая снежинка, и отвела руку для броска. Выдохнула. Представила себе оленя на его месте и со всей силы метнула нож. Попала! Нож вонзился в плечо чуть ниже ключицы. Он прошел сквозь плоть и древесину, пришивив Крегара к стволу. Я услышала глухой удар — так нож вонзается в деревянную мишень. Я этот звук хорошо знаю — столько раз тренировалась. Черт, идеальный получился бросок!

Крегар взвыл скорее от неожиданности, чем от боли. Не ожидал такого от своей маленькой Элки?.. Он выкрикивал проклятия, повторить которые у меня не поворачивается язык. Его кровь смешалась с кровью мальчишки. Черные полосы татуировок на груди теперь чередовались с горячими алыми струйками.

Крегар попытался выдернуть нож, но зазубрины крепко застряли, и он взревел от боли, будто раненый медведь.

— Иди сюда, девочка. Я тебе кишки выпущу.

Он все еще искал меня глазами, выкрикивая жуткие угрозы, и лес наполнился его воплями. Птицы сорвались и улетели, кролики попрятались в норы, а он по-прежнему пытался высмотреть меня среди ветвей. Вот только в этом лесу я была невидимкой. Крегар хорошо меня обучил.

— Элка, ведь я тебя все равно найду! Найду и убью!

Я не смогла удержаться и рассмеялась. Я сделала его! Наконец-то! Поставила капкан и поймала бешеного медведя!

— Судья Лайон тебя первая найдет! Я ей все рассказала. Где мальчик и где тебя искать. Она увидит, что ты с ним сделал. Она перешла горы ради того, чтобы поймать тебя.

Крегар заткнулся и побледнел. Судья Лайон со своим револьвером — это серьезно. Она за ним уже несколько месяцев охотилась. И я тоже.

Он начал умолять, пытаясь меня задобрить. Струйки слюны стекали по его бороде, и их становилось все больше с каждым вздохом. Я наблюдала за ним, пока не послышался цокот копыт. От взмыленных лошадиных боков поднимался пар. Судья Лайон и ее помощники пришли за плохим парнем. А ведь повернись все иначе, я сама могла бы оказаться на его месте.

Награда мне была не нужна. Зачем мне золото? Я просто хотела выжить.

Я увидела их вдалеке среди деревьев. Пришпиленный к дереву, Крегар в панике вопил, вцепившись в рукоять и пытаясь выдернуть нож. След из кровавых капель приведет их прямо к нему.

Лайон умнее Крегара, у нее орлиные глаза. Она мигом вычислит меня и сцапает за то, что я сделала. Я знаю, у нее ко мне много вопросов, но отвечать на них я не собираюсь.

Крегар услышал топот копыт и ржание лошадей. Его глаза округлились, словно у подстреленного оленя. Пора уходить — с этой минуты его судьба в руках закона. Только нож жалко. Сколько кроликов и куниц я им освежевала, сколько раз он мне жизнь спасал. В этих чертовых краях найти хороший нож так же трудно, как и хорошего человека. Когда жизнь — твоя единственная ценность, и тебе приходится отдавать долги, старый добрый нож всегда пригодится. Пусть я потеряла его — но долги отдала. Лайон теперь от меня отстанет. Конечно, если Крегар не расскажет ей всю правду.

Начало или что-то вроде того

КОГДА ПРИБЛИЖАЕТСЯ БУРЯ и по небу катятся раскаты грома, забеги в укрытие, плотно запри дверь, забейся в угол и молись, чтобы она тебя не нашла. Если найдет — твоя жизнь изменится навсегда. Когда буря пришла в Риджуэй, мой дощатый городок, спрятаться мне, семилетней девчонке, было негде. В тот день я ругалась с бабкой. Та хотела, чтобы я пошла в лес и набрала сосновой смолы для светильников. Говорила, что она пахнет приятно, когда горит. А я вопила, что не хочу, чтобы в моем доме пахло сосновой смолой.

— Девочка, это мой дом, — заявила бабка. — А ты здесь в гостях, пока родители не вернутся. Скорей бы уж.

Кажется, тогда меня звали по-другому. Не помню, чтобы бабка называла меня Элкой.

Я предложила ей пойти куда подальше и начала выть.

— Ну ты и черноротая! Что за бес в тебя вселился? — рывкнула бабка и потянулась за клюкой. Ох, сейчас мне достанется. А у меня вообще-то еще с прошлого раза отметины на спине не зажили.

— Никакая я не черноротая! А ты мне не мать, и нечего командовать!

Я выла и изо всех сил толкала стол. Сейчас переверну, чтоб все ее тарелки и вилки по полу рассыпались. А чего? Пусть знает!

Бабка глубоко вздохнула. Я видела в Риджуэе других стариков. Они тоже так вздыхали, когда кто-нибудь им досаждал, вроде как сокрушаясь, что в мире полно идиотов. Моей бабке уже лет сто, не меньше. Все лицо в морщинах, и вздыхала она тяжело и устало, словно прожитые годы давили ей на грудь.

— Твоя мать, — сказала бабка, — моя непутевая доченька, сбежала с твоим папочкой.

Она взглянула на меня и, наверное, увидела во мне мою маму, потому что ее глаза на мгновение потеплели. А потом вспомнила, что я наполовину папина, и опять разозлилась. Она так сжала зубы, что стало страшно — вдруг сломаются и изо рта повывпадают.

— Они вернутся! — захныкала я. — Вот папа тебе покажет, когда узнает, как ты меня лупила.

Бабка рассмеялась. Смех у нее был визгливый и дребезжащий, как вопли сорокопута.

— Папочка твой на севере золото добывает, а мать ему сапоги чистит. Им не до тебя, девочка. Мы с тобой тут вдвоем. Поэтому собирайся и иди за смолой, а не то я тебя так отделаю, что еще долго будешь помнить!

Бабка сжала кулаки. Она была из долины Муссы, упрямства и воли ей не занимать. Вот так посмотришь — ну прям божий одуванчик, а силища неимоверная. Однажды руку мне сломала.

Я надулась и заявила, что ненавижу эту чертову смолу.

— И тебя ненавижу, — добавила.

Бабка развела руками — видать, я ее уже совсем достала — и сказала, что пойдет погуляет.

— И не ходи за мной, — заявила она. — Видеть тебя не хочу.

Она ушла, а через полчаса загремел гром, и небо потемнело. Так громыхало, словно камнепад начался. Я и теперь, когда такое слышу, прям со страха помираю. Трясусь и холодею с головы до ног. А еще потею, как полярная лисица летом. А все из-за того дня. И из-за того что бабка меня одну бросила во время бури.

Нашей маленькой хижине, затерянной в лесу, не устоять против такой грозы. Бабка рассказывала, что они с дедом ее раз сто ремонтировали, пока он не погиб во Втором Конфликте двадцать лет назад. А потом она ее сама столько же ремонтировала. Мы с бабушкой как кошка с собакой жили, но были в нашей маленькой хижине и светлые дни. Сейчас, когда над головой грохотал гром, очень хотелось, чтобы бабка обняла меня своими железными руками.

С севера шла буря: протиснулась между двумя вершинами и заползла в нашу долину, зажатую между гор. Теперь она словно по трубе покатится прямо к нашему порогу и дальше, до самого Риджуэя. Буря швырялась камнями и сломанными ветка-

